

63.2

Е-36

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

2007 — 2008

СА-313862

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на 2007–2008 годы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ"

С.-ПЕТЕРБУРГ
2010

ca-313862

15

К 85-летию В. П. АСТАФЬЕВА

«ТАК ВОТ И ЖИВЕМ — В ЗАБОТАХ И ХЛОПОТАХ...» ПИСЬМА В. П. АСТАФЬЕВА К И. Н. ГЕРГЕЛЮ (1958—1991)

(Публикация Т. М. Вахитовой)

Юрий Тынянов, размышляя о роли бытовых явлений в литературном процессе XIX в. в статье «Литературный факт» (1924), обращался, в частности, к исследованию эпистолярного наследия писателей. «Здесь, в письмах, — писал он, — были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, „домашняя“ малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных „грандиозным“ приемам XVIII века. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы».¹ Ю. Тынянов обращал внимание на то, что из этих писем исчезала манерность, перифраза, шла эволюция к грубой простоте. И вместе с тем происходила канонизация жанра «литературной переписки», обладающая всеми признаками литературного факта.

В XX в., во времена советской эпохи, литературная переписка балансировала на грани литературного факта и бытового явления. При определенном изменении историко-политической ситуации литературное письмо или письмо с литературно-поэтическим смыслом «ныряло» в бытовой поток, приобретая мимикрическую окраску, связанную с вещами, семейными делами, дозволенной информацией. Однако сквозь бытовую картинку нередко просвечивали проблемы более общего характера, связанные не только с движением истории и преломлением исторических фактов в жизни конкретной личности, но и вопросами метафизического и даже трансцендентного смысла. В 1980—1990 гг. эпистолярный жанр приобрел черты объемного историко-литературного явления.

¹ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 265.

Для характеристики эпистолярного наследия В. П. Астафьева, заключенного в рамку второй половины XX в., представляются весьма значительными два методологических замечания Ю. Тынянова: 1) переписка определенного лица в разные периоды его жизни может носить либо литературный, либо бытовой характер; 2) быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной, определенными фактами своей биографии, ассоциативными связями с творчеством и развитием литературного процесса.

Действительно, письма В. П. Астафьева (1924—2001), написанные после демобилизации (1945—1951), еще носят бытовой характер, они связаны с восстановлением нарушенных Великой Отечественной войной родственных и дружеских связей, отличаются краткостью, небольшой информативностью, игнорированием многих этикетных признаков жанра. Быт еще не становится литературным фактом, хотя тяга к сочинительству у Астафьева проявилась очень рано. Однако начало литературной деятельности меняет ситуацию в эпистолярной писателя.

В 1951 г. в газете «Чусовой рабочий» появился первый рассказ молодого Астафьева «Гражданский человек» (позже автор дал ему другое название «Сибиряк»). Первый сборник рассказов В. Астафьева «До будущей весны» вышел в Перми в 1953 г. В 1958 г. был напечатан роман «Тают снега» о жизни колхозной деревни, написанный в традициях беллетристики социалистического реализма. В том же 1958 г. Астафьев был принят в члены СП СССР. В творчестве писателя выделяются четыре периода: чусовской (1951—1962), пермский (1962—1969), вологодский (1969—1980) и красноярский (1980—2001). Причины переезда Астафьева в новый край однозначно определить трудно, они имели и лично-бытовой и общественно-литературный характер, но, возможно, существовала какая-то исчерпанность в интимно-творческом процессе, когда требуется некоторое волевое усилие, чтобы не иссякла живая творческая струя, чтобы собственная художественная мысль приобрела новые черты в другом пространственно-временном поле, в другой человеческо-природной среде. И хотя Астафьева часто приглашали в Москву, он все-таки предпочитал провинцию, где все жизненные силы бушевали ярко и непосредственно.

Переломным в творческой биографии В. Астафьева оказался 1959 год, когда в опубликованных произведениях («Стародуб», «Перевал», «Солдат и мать» и др.) проявились основные характерные черты его творческой индивидуальности. Они обогатились новыми тематическими нюансами, дерзкими по тем временам ассоциациями в повестях 1960-х гг. — «Кража» (1966), «Где-то гремит война» (1967), первые главы «Последнего поклона» (1968). Все герои этих произведений, несмотря на разные фамилии и возраст, отмечены автобиографизмом: у них похожи судьбы, объединенные драматическим поиском существования «по правде и совести». В основу своей творческой жизни Астафьев закладывает свою собственную биографию. Он представляет эту биографию как доминанту высокого поэтического начала в жизни и одновременно как горькую, трагическую и низшую сферу бытия. В этом смысле его проза (как и проза многих других писателей-деревенщиков) сближается

с поэзией С. Есенина. Н. Асеев в статье «Плач по Есенину» писал: «Не русизмом и не национализмом завоевал себе признание Есенин. И не только голым талантливим нутром. Биографию свою он положил в основу своей популярности. Она-то и подчеркивала и акцентировала его стихи». И далее: «Перед нами — живое лицо поэта, не исковерканное гримасой улыбчивости и простоты, лицо человеческое и дорогое нам».² Эти слова можно полностью отнести и к творческой индивидуальности Виктора Астафьева.

Поэтому начиная с конца 1950-х гг. и далее до конца отпущенного писателю срока начинается период активной переписки, обладающий, несмотря на некоторую простоватость и скупость вначале, принадлежностью к литературному ряду, сближающему ассоциативными мотивами опубликованные художественные произведения со многими письмами самым разным адресатам, в первую очередь друзьям-писателям, критикам, литературоведам, фронтовым друзьям, родственникам и т. д.

Эта переписка, выполненная в различных модификациях эпистолярного жанра — историко-эпического разговора, определенных циклах метафизического характера, локальных версиях, окказиональных текстах, деловых письмах, эпистолярно-публицистических телеграммах в разные организации и руководителям государства, всегда находилась в контексте острых идеологических, политических и эстетических дискуссий. Можно вспомнить переписку Виктора Петровича с Н. Эйдельманом, рассказ В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», резкое заявление писателя в Институте истории РАН о том, что Ленинград можно было бы сдать фашистам, чтобы предупредить те страшные человеческие жертвы, которые вынес город во время блокады.

После выхода в свет романа «Печальный детектив» (1986) события современности и исторического прошлого стали рассматриваться Астафьевым с позиции максималистского идеала, высшей нравственной идеи, и, естественно, они не соответствовали их должному воплощению. «В любви и ненависти я середины не приемлю», — заявлял Астафьев.³ Этот то ли юношеский, то ли воспитанный войной максимализм проскальзывал и раньше, но тогда он каким-то образом уравнивался особой печалью по утраченной в войне молодости, по исчезающей красоте мира, горечью от проявления равнодушия к общественному возрождению человека. К концу жизни печаль окрасилась пеплом беспросветного пессимизма, а максимализм обрел резкий и необратимый характер. Об этом свидетельствуют письма, которые сам писатель еще при жизни опубликовал в последних двух томах своего прижизненного собрания сочинений в 15 томах (Красноярск, 1997—1998). Он опубликовал и свои письма, и письма своих адресатов, избранность которых лишь очерчивала тот магический круг интересов автора и интересов окружающего его мира, которые вступали в противоречие, соединялись в каких-то определенных точках, чтобы вновь разойтись. Нужна была дерзость и мужество лихого фронтовика Астафьева, чтобы составить

² Асеев Н. Дневник поэта. Л., 1929. С. 32.

³ Астафьев В. «Средины я не приемлю...» // Правда. 1989. 30 июня.

подобный эпистолярный, не имеющий аналога в эпистолярном наследстве писателей XX в. (К сожалению, эти письма имеют приблизительную датировку, а иногда — даже ошибочную, к ним имеется лишь специфический комментарий самого автора в конце издания.)

Среди архивных материалов, переданных в РО ИРЛИ РАН вдовой писателя Марией Семеновной Астафьевой-Корякиной, находится большой корпус писем Виктора Петровича фронтовому другу — Ивану Николаевичу Гергелю из Орска, которого вынес будущий писатель раненого с поля боя. (Об этом факте рассказывал Астафьев актеру Г. Жженову в документальном фильме «Русский крест» (1995).) Письма представляют собой черновые автографы с подписью. Другие девять писем (1990—2001) опубликованы в книге Астафьев В. П. «Нет мне ответа...», изданной в 2009 г. в Иркутске Г. Сапроновым. Несмотря на этот факт, и оставшаяся в ИРЛИ часть писем восстанавливает определенный слой личной жизни художника, корреспондирующий с другой информацией и, что самое главное, — с его художественными произведениями, а это всегда интересно и исследователям литературы, и читателям.

В переданном вдовой в РО ИРЛИ архиве В. Астафьева находятся двадцать четыре письма Виктора Астафьева Ивану Гергелю. Иван Николаевич сам нашел Виктора Петровича в Чусовом в 1946 г. Он имел техническое образование и до конца 1970-х гг. руководил заводской фотолабораторией, позже ушел на пенсию. Первая встреча с однополчанином после войны состоялась в 1966 г. В письме к Е. И. Носову (любимому другу-литератору) 13 февр. 1966 г. Виктор Петрович сообщал: «Меня какое-то время не было дома — ездил в Орск — к единственному сохранившемуся фронтовому другу, которого не видел 22 года. Встреча была трогательная, а воспоминания получились однообразно-грустные, все больше о том, как мы ищали на войне и как измывались над нами наши доблестные командиры и отцы-политруки» (ф. 805).

К сожалению, ответные письма самого Ивана Николаевича остались, по-видимому, в семейном архиве Астафьева. Поскольку почерк писателя далек от каллиграфического, многие трудночитаемые слова имеют «расшифровку» Марии Семеновны, воспроизведенную над астафьевским начертанием.

Разумеется, этот материал представляет собой личные, бытовые письма, почти лишенные этикетных характеристик: часто не указаны даты, город, где письмо было написано, не назван, например, праздник, с которым писатель поздравлял своего старинного друга. Они не выправлены стилистически, а написаны как придется. Однако это можно понять, ибо та огромная работа, которую проделывал писатель над своим текстом, переписывая его по пять-шесть раз, не оставляла возможности работать над стилем писем к друзьям. Письма публикуются по черновым автографам, хранящимся в архиве В. Астафьева (ф. 805), проходящем первоначальный этап научно-технической обработки.

Если все эти письма перечитать «залпом», не отрываясь, то можно заметить, что они все построены, если уместно здесь употребить это слово, по одному принципу, отражающему разные грани восприятия мира подобно художественному произведению. Всякий раз

образуется неповторимая художественная конструкция, которая так или иначе варьируется в последующих письмах. Вместе с тем основной каркас этой конструкции сохраняется.

1. Почти в каждом письме вместо приветствия — обращение. Астафьев в течение долгих лет начинает свое письмо другу: «Дорогой Ваня!».

2. Если письмо написано к празднику, то, естественно, оно начинается с поздравления с маем, Днем победы, октябрём, Новым годом. Пожелания всегда сформулированы кратко и афористично: «Пусть у тебя все хорошо устроится на новом месте и здоров будь!» <1976>; «Желаю всем доброго здоровья, теплой и сытой зимовки, да мирного, хоть и дымного, неба над головой» <1980>; «Прими мои сердечные поздравления...» <1970>.

3. Далее в письмах Астафьева раскрывается внутреннее взаимодействие писателя с самим собой, часто возникает небольшая характеристика надвинувшегося этапа жизни: «Приехал я из Латвии, где был на декаде русской культуры <...> Декада в Латвии была интересной, но утомительной, поэтому я сразу же уехал в деревню, где работаю и по лесу брожу» <1967>; «Дни и годы идут — завтра мы с Марией отмечаем серебряную свадьбу» <1970>; «Жизнь нас кружит и вертит на старости лет как обкопченный стог, выбивая из него последние зерна и пыль, да ос...» <1983>.

4. Через факты семейного быта выявлялось отношение к социалистическому обществу, которое В. Астафьев воспринимал критически: «Ребята — оба, завалили экзамены в университет, а точнее их завалили, ибо везде сейчас блядство такое, что не приведи Господь — берут таких паршивых людей, номенклатурных и торговых работников, а от меня чего? Ни шерсти, ни поклона!» <1967>; «Сын мой находится в Чехословакии. Очень мы за него беспокоимся и переживаем» <1968>; «Поотравили у нас птицу химикалиями, обсыпают лес с самолетов, травят клещей, а гибнет птица — клещи живут» <1968>; «Урожай хороший, но горько, что, как у нас водится, не сумели полностью убрать, а то, что убрано, сгнойт и с протянутой рукой двинутся к врагам за помощью: „Подайте ради коммунизма, господа империалисты!“» <1980>; «Посылаю тебе книгу „Затесей“, в ней большинство новых, пока выходила эта книга, крови мне испортили банку» <1983>.

5. Особое отношение Астафьева к военной теме проявлялось в сообщениях о поездке с супругой к фронтовым друзьям в гости, о встречах и письмах фронтовиков, но официозные приемы по случаю Дня победы или других военных дат всегда у него вызывали чувство горечи, обиды и чего-то неискреннего, враждебного: «В сентябре я ездил на встречу нашей дивизии в Киев. ...Люди эти изменились внутренне очень мало, все так же высокомерны и пусты, говорить с ними в общем-то не о чем, а слушать хвастовство и прочее противно» <1968>.

6. Другой пласт жизнеописания в письмах Астафьева к Ивану Гергелю связан с природой, охотой, которые помогали писателю в жестокие периоды жизни выстоять, сохранить и даже приумножить творческий потенциал: «Ваня! Мелкашку⁴ я не оформил и не знаю, как это сделать?

⁴ Мелкашка — мелкокалиберное ружье, которое Иван Гергель, по-видимому, купил для Виктора Астафьева.

Знакомых у меня в милиции нет...» <1967>; «Все лето я промотался — ездил после Ленинграда в ГДР, месяц жил на Урале, затем ездил на Обь, настрелялся и нарыбачился досыта, после был в Москве и Архангельске» <1970>; «Я всё лето устраивался, строил гараж, горотьбу, обихаживал избушку, всё это требует времени, средств и моего присутствия. Ещё я не отдыхал, раза два съездил по ягоды и грибы, и всё. Очень начали болеть суставы ног — прямо и ходить не могу, особенно когда погода плохая, болит и голова, всё болит, по всему телу дрожь „ходит“ и напоминает о загубленной молодости» <1981>.

Можно было бы и дальше выявлять в эпистолярной Астафьева определенные пласты, начиная с трагической семейной жизни, отмеченной утратой детей, до лексических рядов, ассоциирующихся с глобальными дефинициями — космос, Бог, вечность. Они редко просвечивают сквозь бытовую вязь астафьевских писем, но тем не менее их пуктирное присутствие ощущается в подтексте, придавая этому материалу некий до конца не высказанный смысл.

Многие бытовые реалии и факты, о которых сообщал Виктор Петрович своему корреспонденту, оказались в той или иной степени включенными в его художественные произведения.

Работа с редактором, например, о которой он сообщал как о потере «банки крови», была воспроизведена в повести «Печальный детектив» (1986) при встрече Сошнина с монструозным работником редакции. Нарушение экологических норм и разгул морального мракобесия составляет центральную проблему повествования в рассказах «Царь-рыба» (1976). Семейные и родственные конфликты и трагедии воспроизведены в «Последнем поклоне» (1958—1978), в «Печальном детективе», в повести «Людочка» (1989). Страсти военного времени с ненавистью Астафьева к командующему составу, не жалеющему простых солдат, к политсоставу воплотились в первых двух частях романа «Прокляты и убиты» (1992—1994). Неубранные поля, о которых писал Астафьев Гергелю, стали центральной сценой, определяющей всю структуру и композицию этого романа, несущей главную историко-философскую идею этого произведения. О ней сам писатель сообщал критику В. Курбатову 13 марта 1991 г.: «Написал я, кажется, главный кусок о погибшем хлебном поле. Это вот и есть смысл всей человеческой трагедии, это и есть главное преступление против себя, то есть уничтожение хлебного поля, сотворение которого началось миллионы лет назад, с единого зернышка и двигало разум человека, формировало его душу и нравственность, и большевики, начавшие свой путь с отнимания и уничтожения хлебного поля и его творца — есть самые главные преступники человеческой, а не только нашей, российской истории».⁵

Это, можно сказать, главный постулат «крестьянского реализма» (термин Ю. Борева), который сформировался во второй половине XX в. и существовал под грифом «деревенской прозы» параллельно социалистическому реализму и другим течениям. Роль в этом процессе Виктора Астафьева трудно переоценить.

⁵ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 74.

<1958> Б / д.

Дружище Иван!

Наконец-то ты сыскался. Я уж писал как-то в редакцию газеты, но ответа не дождался. А потом письма, наверное, заблудились. Я ведь тоже немножко переехал, сменил данные. Теперь у меня тоже с жильем дело обстоит неплохо, есть у меня своя комната, как и у тебя (адрес мой теперь выглядит так: Пермская область, г. Чусовой, ул. Нагорная, 60).¹ <нрзб.> за то время свершилось у меня немного событий. Вышел из печати мой роман «Тают снега» в Перми² и сборник рассказов «Теплый дождь» в Москве.³ В октябре меня приняли в члены Союза писателей, и я ездил на 1-й учредительный съезд в Москву.

На Урале, у нас, постоянно выходят два журнала «Урал» и «Уральский следопыт», я в них понемножечку начинаю печататься.

Написал я за это время две небольшие повести.⁴ Сейчас готовлю их к печати. Вероятно, также опубликую в журналах, а в каких — сообщу потом.

Домашние дела мои обстоят несколько хуже. Тяжело болела Мария⁵ и еще не оправилась. Подлечила ногу, угробила сердце. Андрей-сынишка⁶ тоже плох. Что-то худеет, чахнет и никакой болезни у него обнаружить не могут. Жизнь идет в трудах и заботах. Отдыхать почти не приходится. Нынче летом приезжали ко мне два приятеля: один из Москвы и другой из Свердловска — вот с ними порыбачил, поохотился и всё. Летом, нынче, мне предстоит творческая командировка в Игарку, и едва ли я смогу попасть к тебе. Но я решил уж так: вот скоро разживусь деньгами (это будет к весне), плюну на всё, сяду в поезд и прикачу к тебе хоть на пару недель, а то нам так и не встретиться будет. Итак, летом нагряну я, как снег на голову, потому и книг не посылаю и много не пишу. Привезу сам книги, и тогда мы поговорим обо всем. Договорились? А пока целуй сынов, жену, и я тебя целую.

Будь здоров. Пиши. Виктор.

¹ В последний период жизни в г. Чусовом В. Астафьеву удалось при помощи родственников жены и хороших знакомых построить небольшой домик. См. об этом: Астафьева-Корякина М. С. Знаки жизни. Ч. 1. Урал // Астафьева-Корякина М. С. Сколько лет, сколько зим. Красноярск, 2000.

² Роман «Тают снега» (Пермь, 1958) посвящен жизни колхозной деревни и создан в традициях беллетристики 1950-х гг. В. Астафьев долгие годы не переиздавал его, он появился лишь в последнем прижизненном 15-томном собрании сочинений, вышедшем в Красноярске в 1997—1998 гг. В одном из интервью 1978 г. он назвал этот роман «неудачей», но «эта неудача была своеобразным уроком, чтобы в дальнейшем не писать таких романов, серьезнее относиться вообще к крупному полотну, научиться соизмерять свои силы, не быть таким самонадеянным» (Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя. Вологда, 2007. С. 523).

³ Сборник «Теплый дождь» (М., 1958) объединил лучшие ранние рассказы писателя.

⁴ По-видимому, имеются в виду повести «Стародуб» (1959) и «Перевал» (1959).

⁵ Мария Семеновна Корякина (род. 1920 г.) — жена писателя, член СП России, вышла замуж за Виктора Петровича в 1945 г., после демобилизации приехала вместе с ним на Урал в г. Чусовой, где и началась творческая жизнь Астафьева.

⁶ Сын писателя Андрей Викторович родился 13 марта 1950 г. в Чусовом. Сейчас живет в Вологде, работает реставратором.

2

<после 1960> Б / д.

Дорогой Иван!

Уж давненько получил твое письмо и кучу фотографий. Большое тебе спасибо, теперь мне до старости лет хватит этих фото.

Сразу я тебе не смог ответить, текучка заела, а потом уехал в Москву, занимался разными делами, в основном пустыми и заседательскими. Сейчас вот наконец-то смог оглядеться и начать готовиться к охоте. Послезавтра уеду в деревню и пробуду там весь охотничий период, а числа 11-го улечу в Новосибирск, там собираются издать мою повесть в журнале «Сибирские огни».¹

Работу в кино я бросил, потому что не хватает меня на всё, и чтобы заниматься разом литературой и кино, нужны крепкие нервы и здоровье иное.²

Если, в самом деле, поедешь в наши края. Не минуй нас. Пусть даже и меня дома не будет, все равно у нас всегда кто-то дома есть: или дочь, или сын. Как твои орлы живут? Как учатся? Едешь ли ты на охоту? Послал бы я тебе книжку, которая так тебе понравилась, т. е. «Звездопад»,³ но у меня один экземпляр. Так что жди, когда переиздадут, тогда и пришлю. А пока поздравляю тебя, Тоню⁴ и ребят с праздником весны и желаю Вам всем бодрого весеннего настроения, здоровья, а ребята чтоб хорошо учились и чтобы меньше огорчали родителей. Семейство мое шлет также лучшие пожелания всем Вам. А я крепко обнимаю. Ваш Виктор.

¹ Повесть «Перевал» была опубликована в журнале «Сибирские огни» (1959. № 4).

² В. Астафьев писал киносценарии для разных киностудий страны по своим рассказам и повестям. Работу эту он не бросил, а возвращался к ней постоянно.

³ Повесть «Звездопад» вышла в свет в Москве в 1960 г.

⁴ Тоня — жена Ивана Николаевича Гергеля.

3

<1966> Б / д.

Дорогой Иван!

Столько на меня навалилось дел дома, что лучше б я и не приезжал сюда! И все дела-то — одно срочнее другого, вот почему лишь

сегодня я выбрал время тебе написать. Пришло от тебя письмо. Деньги на ружье я выслал, но успел ли? Дело в том, что в Свердловске я задержался больше недели, а письма от Вас идут очень медленно и долго. Ты совершенно напрасно переживаешь из-за какого-то «неорганизованного приема» моей персоны. Все было совершенно великолепно. И самое главное — была встреча с тобою, и ты, ради бога, не переживай. В жизни нашей и так много разных причин для переживаний.

Карточки твои всем понравились. А мне очень понравилась та, где ты снял меня в профиль, держащимся за рыло. Почти ни одной из этих карточек уже не осталось. <Пока готовилась> обо мне передача по телевидению — пришлось дать туда, да в Москву одну выслал, да в Комарово сегодня вышлю, куда я должен буду поехать весной на семинар. Так что ты отпечатай мне еще штук десять с этого негатива и пришли, если не трудно.

Я очень срочно делал киносценарий для свердловской киностудии.¹ Так что, возможно, году в 1967 увидишь на экране и картину по моему сценарию про большую человеческую любовь и горе людское.

В деревню² я еще не собрался. Некогда, и грибы находятся там, поэтому вышлю их Кобозеву попозднее. Я не забыл его просьбы. Передай ему и твоей сестре привет. А вас обоих обнимаю и желаю вам всего самого хорошего.

Ваш Виктор.

Коля и Володя!³

Посылаю вам маленько марок — поделитесь. Как у меня будет получше со временем, я поищу в своих бумагах еще марки. Где-то они лежат. Как вы учитесь? Надеюсь лучше? Очень мне хочется, чтоб вы оба учились хорошо и не огорчали мать с отцом. Жму ваши руки. Дядя Витя.

¹ Имеется в виду сценарий, который написал Астафьев по своей повести «Звездопад». Печальную историю этого сочинения он рассказал в письме к неизвестному адресату в 1968 г.: «„Звездопад“ пытались поставить на Свердловской киностудии, уже и деньги мне платили, но жена моя напугалась и велела мне их вернуть, ибо ни за один рассказ мне столько не платили, а тут за сценарий, написанный по готовой вещи... Кино не поставили. Сценарий вернули: то я что-то не так сделал, то режиссера не нашли, то еще что-то непонятное содеялось... Но на этом моя киноопупея не закончилась».

Узнал об этом Юрий Бондарев, что ввязался я в такое дело, а повесть ему нравится. И спрашивает: „Остался ли хоть какой-нибудь экземпляр?“. — „Остался“ — говорю. „Давай его мне, — сказал, — я его в свое творческое объединение отдам, там ребята хорошие, а про любовь хорошего ничего нет“. Я послал. Жду-пожду. Год прошел. Два прошло, а я все жду, но не это главное. Главное, что я работаю там, где бог мне назначил, — пишу потихоньку прозу. Однажды у Бондарева спрашиваю: „В корзину его бросили или как?“ — „Не бросили, но потеряли“, — отвечает мне Юрий. Кулик или Калик какой-то потерял мой „Звездопад“. Как пели в детдоме мои друзья: „Утонул он, утонул, только хером болтанул!..“» (Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952—2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 137). Премьера фильма «Звездопад» (реж. И. Таланкин) состоялась в марте 1982 г.

² Деревня Быковка находилась на Урале, маленький домик в ней порекомендовал купить Астафьеву главный редактор Пермского издательства Борис Никандрович Назаровский. См. об этом: Астафьева-Корякина М. С. Сколько лет, сколько зим. С. 335.

³ Николай Иванович и Владимир Иванович — сыновья Ивана Николаевича Гергеля.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

Т. М. Двинятина, А. Г. Мец. Материалы О. Э. Мандельштама в собраниях Пушкинского Дома	5
И. В. Федорова. Обзор материалов советского фонда культуры в архиве академика Д. С. Лихачева	25
Б. фон Барсевиш. Архив баронов фон Кампенхаузен из Лифляндии	35
А. В. Дубровский. Справка о фонде Б. Б. Кампенхаузена в архиве Пушкинского Дома	62
И. А. Анисимова. Неизвестные страницы биографии писателя И. С. Соколова-Микитова: происхождение, учеба на Петербургских сельскохозяйственных курсах, родственные связи	65
А. Г. Тимофеев. Авторский индекс переписки 1907–910 гг. в рабочей тетради М. Кузмина из собрания Пушкинского Дома	71

II. ПУБЛИКАЦИИ

А. Н. Майков. Путевой дневник 1842–843 гг. (Публикация О. В. Седельниковой)	105
А. Н. Майков. Записная книжка (Публикация Н. В. Володиной)	147
«Да, много Вы моей души занимаете». Письма Н. П. Гилярова- Платонова к А. М. Гальперсон (Публикация А. П. Дмитриева)	171
Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету Часть III (1888–1890) (Публикация Е. В. Виноградовой)	252
К. Н. Леонтьев <Список верующих> (Публикация О. Л. Фетисенко)	295
Из переписки П. П. Семенова-Тян-Шанского (Публикация М. А. Семенова-Тян-Шанского и А. Ю. Заднепровской)	316
Письма художницы А. М. Жеребцовой Л. В. Шапориной (Публикация А. Г. Носовой)	332
Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон». Переписка с С. К. Маковским, Е. А. Зноско-Боровским, В. А. Чудовским, М. Л. Лозинским (Публикация А. В. Лаврова)	358
Неучтенная брошюра «Устав общества Русская колония в Финляндии» (1918) в архиве Е. А. Ляцкого (Публикация А. Г. Тимофеева)	486

Дмитрий Усов в начале 1920-х годов (по письмам к М. А. Зенкевичу) (Публикация Т. Ф. Нешумовой)	496
Федор Сологуб. Богдыхан. Эпизоды из романа, который может быть написан (Публикация М. М. Павловой)	528
Александр Введенский и Даниил Хармс в Ленинградском союзе поэтов и Ленинградском союзе писателей (По материалам архивов Пушкинского Дома) (Публикация Т. А. Кукушкиной)	543
В круге Хармса: Петр Матвеев – философ Нон Эсма (Публикация Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова)	589
Воспоминания Георгия Матвеева о Данииле Хармсе (Публикация А. Л. Дмитренко)	593
К 100-летию со дня рождения О. Ф. Берггольц (1910–1975)	
Письма О. Ф. Берггольц к отцу Ф. Х. Берггольцу (1942–1948) (Публикация Н. А. Прозоровой)	603
«Пока ты есть, дышится намного легче очень многим». Письмо П. Г. Антокольского к О. Ф. Берггольц (Публикация Н. А. Прозоровой) . . .	636
Е. П. Серебровская об Ольге Федоровне Берггольц. Заметки (Публикация Н. А. Прозоровой)	640
Знаки судьбы: из писем Георгия Гребенщикова отцу Алексею Дехтереву (Публикация А. А. Санниковой)	646
Русские сказки в Удорском районе (по материалам экспедиции 1961 г.) (Публикация Я. В. Зверевой)	661
В. А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском (Публикация Н. Г. Князевой)	687
К 85-летию В. П. Астафьева.	
«Так вот и живем – в заботах и хлопотах...». Письма В. П. Астафьева к И. Н. Гергелю (1958–1991) (Публикация Т. М. Вахитовой)	697
А. Е. Кропочкин. Этап на Байконур. Этап на Джезказган. Из писательской переписки В. П. Астафьева (Публикация Т. С. Царьковой)	720
Переписка В. П. Астафьева с М. Н. Кураевым (Публикация И. Г. Гуляковой и Н. С. Цветовой)	741

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

К 85-летию В. П. Астафьева	
«Из тихого света» В. П. Астафьева. К творческой истории «Попытки исповеди» (Публикация Н. С. Цветовой)	771
Т. М. Вахитова. Текстологические наблюдения над отрывками из повести Виктора Астафьева «Веселый солдат»	787
«Полдня длиной в 11 строк». Автотекстология Виктора Кривулина (Публикация П. С. Горякина)	804

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Татаринов Илья Петрович, Тургенев Александр Иванович, Аржевитинов Иван Семенович, Татаринов Александр Николаевич, Островский Андрей Николаевич. Фонд 596	827
Тютчев Николай Сергеевич. Фонд № 881	831

Холшевников Владислав Евгеньевич. Фонд 856	834
Н. А. Прозорова. Обзор архивных материалов XIX–XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2005 г.	838
А. А. Шелаева. Памяти Людмилы Ивановны Кузьминой (1924–2009) . .	842
Указатель имен	845

Утверждено в печать
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Редактор Е. А. Толстая
Корректор Е. А. Толстая
Верстка В. В. Матвеев
Художник А. П. Бахарева

Издательство «Дмитрий Буланин»
Налоговая декларация — общероссийский классификатор продукции
ОК-002-03; 95 3001 — книги
95 3850 — литература по филологическим наукам

Полностью к печати 14.03.2010. Формат 60×90 №
Тираж 800 экз. Заказ № 3428.
Первая офсетная. Ул.-изд. № 24. Усл.-печ. л. 22.
Тираж 800 экз. Заказ № 3428.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Искusstvo России»
198099 С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2

Заказы принимаются по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 9, лит. А, пом. 1 Н
Телефон/факс: (812) 490-64-99 / 230-97-87
sales@dbulanic.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanic.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanic.ru (редакционный отдел)
http://www.dbulanic.ru

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48